

Всё будет хорошо! Плюс-минус...

КТО ТАКОЙ МИХАИЛ ДЕЛЯГИН, НАВЕРНОЕ, ВРЯД ЛИ НУЖНО ОБЪЯСНЯТЬ. ДОСТАТОЧНО НАПОМНИТЬ ДЕТАЛИ: ОН – ОДИН ИЗ САМЫХ АВТОРИТЕТНЫХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЭКОНОМИСТОВ, ОСНОВАТЕЛЬ ИНСТИТУТА ПРОБЛЕМ ГЛОБАЛИЗАЦИИ, АВТОР БОЛЕЕ ТЫСЯЧИ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ ВО МНОГИХ СТРАНАХ, А ТАКЖЕ АВТОР ТРИНАДЦАТИ КНИГ, ИЗ КОТОРЫХ НАИБОЛЕЕ ИЗВЕСТНЫ «ЭКОНОМИКА НЕПЛАТЕЖЕЙ» (1997 Г.), «МИРОВОЙ КРИЗИС. ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ» (2003 Г.). СЛОВОМ, КАК СКАЗАЛ БЫ ИЗВЕСТНЫЙ ПЕРСОНАЖ: «ДЕЛЯГИН – ЭТО ГОЛОВА!».

А ЕЩЕ ИЗВЕСТЕН... ДОВОЛЬНО РЕЗКИМИ И КРИТИЧЕСКИМИ СУЖДЕНИЯМИ ОТНОСИТЕЛЬНО СОСТОЯНИЯ ДЕЛ В МИРОВОЙ И РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ, СОГЛАСИТЕСЬ, НАКАНУНЕ НОВОГО ГОДА ОСОБЕННО ПРИЯТНО ПОЛУЧИТЬ ХОТЬ КАКИЕ-ТО ПОЗИТИВНЫЕ ОЦЕНКИ И ПРОГНОЗЫ ТАКОГО ЧЕЛОВЕКА? БЛАГО, ЧТО МИХАИЛ ГЕННАДЬЕВИЧ ЛЮБЕЗНО СОГЛАСИЛСЯ ВСТРЕТИТЬСЯ С КОРРЕСПОНДЕНТОМ THE ONE РАННИМ МОСКОВСКИМ УТРОМ В ОДНОМ ИЗ УЮТНЫХ КАФЕ НА ТВЕРСКОЙ И ПОГОВОРИТЬ, ПО СУТИ, ОБО ВСЁМ – О ЖИЗНИ. ВОПРОСЫ, ПРАВДА, ДЛЯ НЕГО МЫ ПРИГОТОВИЛИ НЕ СТОЛЬ УЮТНЫЕ, НО НАДЕЕМСЯ, ЧТО ЧИТАТЕЛИ НАС ПРОСТЯТ.

– Михаил Геннадьевич, Евгений Примаков в своей книге «Мысли вслух» пишет: «Ослабление силы закона противопоставлено модернизации. Но если перед страной стоит выбор: обеспечить лучшие условия для ее проведения либо через авторитарное управление, либо через демократизацию общества – следует выбрать демократию». Вы согласны с этим?

– Наверное, впервые в жизни не соглашусь с Евгением Максимовичем. Может быть, имелась в виду гипотетическая ситуация, когда авторитаризм и демократия дают равные возможности для модернизации? Тогда, конечно, надо выбирать демократию – «лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным». Но сам этот выбор умозритель: мы видим в послевоенном мире, что своими силами, без большой внешней помощи – а по нашим масштабам требуемая внешняя помощь невозможна – модернизация может идти только на основе авторитаризма. И лишь потом из благосостояния рождается демократия, как в приведенном мною примере из здоровья – богатство. Тот же, кто ловит двух зайцев сразу, получает от мертвого осла уши.

– Опять-таки, Примаков в той же книге заключает: «Конкуренция за инвестиции, за технологии, за информацию – основа экономической борьбы в XXI веке. И мы эту борьбу проигрываем. Главная из нерешенных проблем – чудовищный уровень коррупции»...

– Все ясно и правильно. Единственно, можно отметить, что инвестиции, технологии и информация – все же не синонимы. И прежде всего современная конкуренция ведется за технологии, причем технологии управления массовым сознанием и коллективами творцов, а потом уже по всем остальным направлениям.

– А как Вы прокомментируете отставку Кудрина, который не согласился с президентом в вопросе увеличения бюджетных расходов?

– Думаю, что это был исключительно эмоциональный конфликт. Все-таки бюджет, из-за которого якобы произошел конфликт, Кудрин подписал еще в августе. А потом вдруг передумал? На деле, товарищ Кудрин, судя по всему, походя и незаметно для себя, нанес товарищу Медведеву личное оскорбление, но никакой неправды не сказал. Кудрин констатировал, что он человек команды Путина, а с окружением Медведева работать не хочет. В переводе с бюрократического на обывденный язык это звучит примерно так: «Я привык работать с первым лицом в государстве. И за что мне такое понижение – работать со вторым лицом, да еще – таким? Я этого не заслужил, я останусь в команде первого лица и надеюсь, что мне дадут Банк России». Вот и весь конфликт.

Кудрин констатировал, что он человек команды Путина, а с окружением Медведева работать не хочет. В переводе с бюрократического на обывденный язык это звучит примерно так: «Я привык работать с первым лицом в государстве».

Увы – это тот редкий случай, когда констатация факта явилась оскорблением личности. И господин Медведев, похоже, принял решение «на эмоциях». В чем достоинство Путина – он не принимает решений в состоянии эмоциональной неуравновешенности. Если бы Медведев не отреагировал, то и на это высказывание Кудрина вообще никто не обратил бы внимания. Или обратили бы, но не больше, чем в истории с докторами, которых вызывали по делу «Мечела».

– В ноябре в США проходили испытания национальной системы оповещения гражданской обороны. Все каналы, все радиостанции в течение трех минут передавали тестовое обращение. Была подготовка к чрезвычайной ситуации в масштабах страны. Как вы думаете, к чему они готовятся?

– Никогда не стоит переоценивать разумность управляющей системы. Возможно, это было просто использование бюджетных денег на гражданскую оборону. В США ведь абсолютно недееспособная перед лицом любых неприятностей система жизнеобеспечения. В отличие от Москвы, где «ледяной дождь» прошел на прошлый Новый год действительно первый раз в истории, в США это довольно обычное климатическое явление. Я был в Нью-Йорке на следующий день после такого дождя, у них два с половиной миллиона человек сидели без света, заметная их часть – пять суток...

С другой стороны, когда у вас идет вырезание среднего класса, людей выкидывают из домов, когда количество получающих пособие по безработице падает, потому что они без работы более года и больше не могут продолжать получать его по закону, – это весьма тревожно.

Непонятно, за счет чего эти люди теперь будут жить, ведь на них по-прежнему «висят» кредиты. В таких условиях правительство должно понимать, что могут начаться восстания или, как минимум, беспорядки – особенно с учетом традиций, когда право народа на восстание против недееспособной власти прописано в Декларации независимости – основополагающем для американского народа документе.

Там уже не раз захватывали сенатские здания штатов. И уже собиралась в Вашингтоне миллионная демонстрация с требованиями отставки Обамы. Национальное движение «Захвати Уолл-стрит» начиналось с горстки «фриксов». Америка по количеству заключенных на душу населения находится на первом месте в мире, обгоняя советский ГУЛАГ, кроме, конечно, двух лет «большого террора». Все это всерьез бьет по нервам правящей тусовки.

Она неизбежно задумывается о своих перспективах и с учетом своей внешней политики. США только что уничтожили Ливию, собираются уничтожить Сирию и всерьез говорят о войне с Ираном, являясь одновременно центром мировой иммиграции. Одних только иранцев в США более миллиона чело-

век. Иными словами, в США сейчас сформировалась очень высокая степень общей неопределенности, а в таких условиях человеку свойственно начинать стелить соломку в любом месте.

– А как вы оцените степень неопределенности в нашей стране? С учетом, например, угрозы со стороны Китая?

– Угроза существует для всякого, кто деградирует, по соседству с бурно и мощно развивающимся соседом. Однако надо учитывать китайскую культуру: в соответствии с ней Китай – это страна, где живут китайцы. В 2000 году это понимание нашло отражение в сфере государственной политики: на визах стали вместо «Китайская Народная Республика» писать просто «китайская виза». Государство стало осознавать себя не континентальной частью Китая, а государством, объединяющим всех китайцев вне зависимости от того, где они живут.

Если им придется переносить границы, то это будет признанием качественного, непреодолимого различия между внутренним Китаем и зарубежным – и, соответственно, определенным повреждением менталитета. Они этого боятся, и для них это будет новая реальность, которая им совершенно не нужна.

Не говоря уже о том, что такой шаг непредсказуемо разрушит равновесие в мире, что для них, по крайней мере – до 2019 года, является абсолютно неприемлемым. Да и ненужным, в общем, – в Китае очень развито понимание, что их страна как фактор влияния присутствует везде в мире, и китайское руководство более всего озабочено тем, что расширение влияния опережает возможность по осмыслению этого расширения и понимания его последствий – как позитивных, так и негативных.

Сетевой характер организации китайской цивилизации дает Китаю феерическое преимущество в условиях глобального мира и конкуренции сетей. При этом проблем с Россией нет: у нас существует негласный запрет на прямое участие Китая в добыче нефти и газа – и это все. И китайцы прекрасно понимают, что местные имеют право на свои законы, которые могут кому-то извне не нравиться. И еще китайцы убеждены, что договорятся всегда, когда им понадобится. В нынешнем состоянии им просто не нужны сверхусилия вроде переноса границ.

– Среди популярных прогнозов сегодня – мнение о том, что новые границы Москвы – это в недалеком будущем государственная граница России. Вы слышали такую теорию?

– То есть вы хотите сказать, что Рублево-Куршевельский Федеральный округ станет зарубежьем?

– Именно так.

– Этого не будет. Мы интересно устроены: из-за слаботи закона, институтов и традиций наше общество строит свою жизнь, подражая государству. Государство делает глупость – все начинают её воспроизводить. Государство транслирует в общество бред наподобие расширения границ Москвы – общество отвечает ему встречным бредом.

Концепцию расчленения России путем выделения исторически русских земель высказывают национал-демократы, но нужно понимать, что построение сильного национально-го государства в России путем этнической чистки, как это было, например, в Турции, невозможно не только из-за переплетенности национальностей. Невозможно, в том числе, из-за разных религий и потому, что в результате такой этнической политики новое государство окажется отрезанным от денег. Просто потому, что нефть Западной Сибири идет через Башкирию и Татарию. Так что российские границы скорей всего должны остаться неизменными, хотя я понимаю, что Северный Кавказ относится к России достаточно условно, лишь по направленности выплачиваемой нами, насколько можно судить, дани. По практике правоприменения, это отдельные и стремительно отдаляющиеся от нас территории.

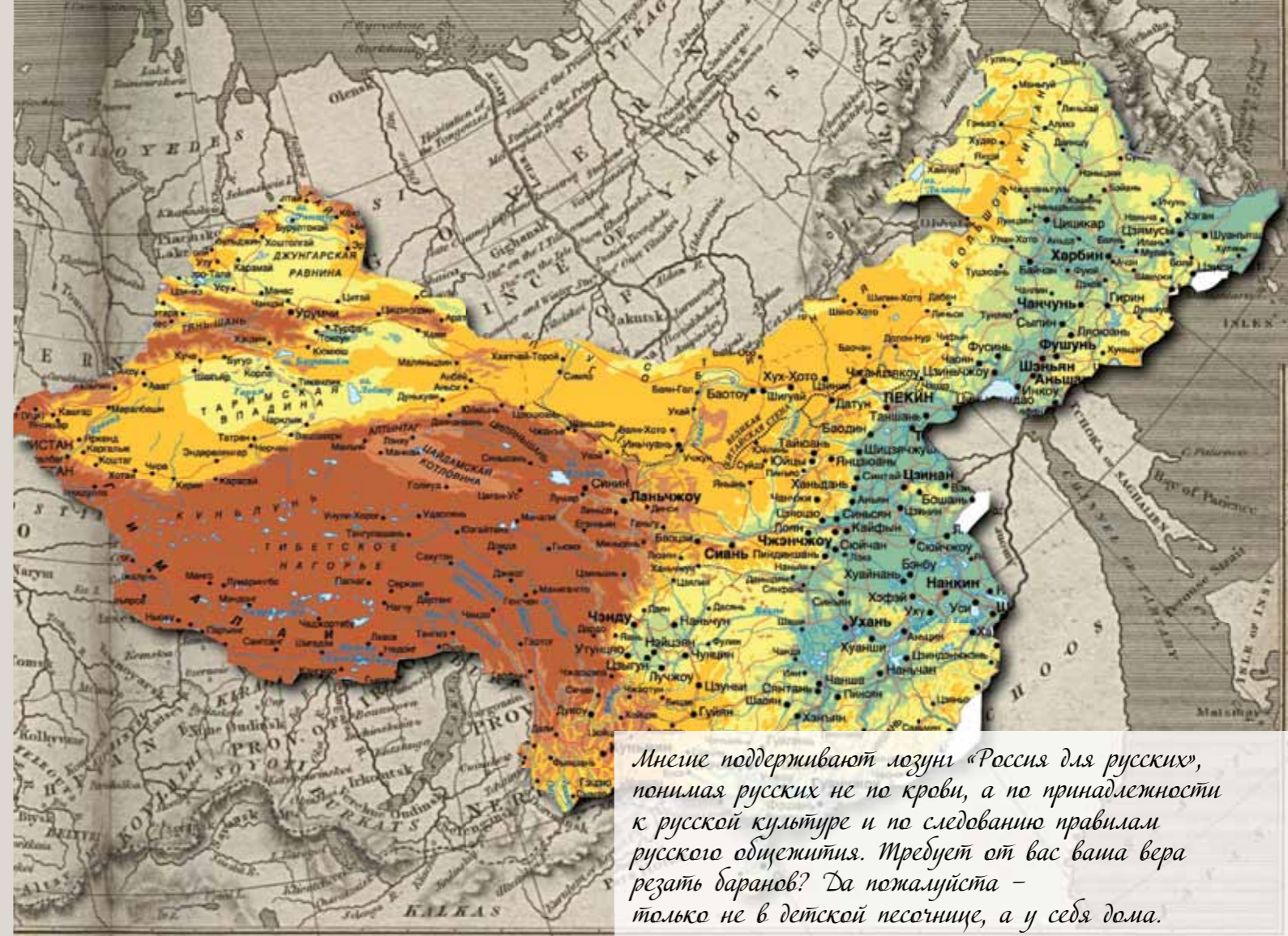
Но, говоря об этническом государстве, не стоит забывать, что деление по крови – это гитлеровский принцип, ошибочность, нерентабельность которого доказана экспериментально. Только клинический естествоиспытатель с заикленностью на граблях может не видеть другой, эффективной модели создания национального государства – по культурному принципу.

Заявляющие о том, что более 60 процентов россиян поддерживают лозунг «Россия для русских», обычно ленятся читать второй абзац социологических отчетов. А там – если исследование добросовестное – указывается, что около половины опрошенных поддерживают лозунг «Россия для русских», понимая русских не по крови, не по-гитлеровски, а по принадлежности к русской культуре и по следованию правилам русского общежития. Требуется от вас ваша вера резать баранов? Да пожалуйста – только не в детской песочнице, а у себя дома.

Людей, которые говорят, что государство нужно строить по принципу крови, – чуть больше 10 процентов. Это нормальная статистика для любого государства. А для общества в состоянии длительной социальной катастрофы, как у нас, – это признак потрясающей моральной и психической устойчивости. 10 процентов маргиналов, грубо говоря, найдутся в любом опросе, который только можно вообразить – хоть по гитлеризму, хоть по зоофилии.

Кстати, примерно таков же процент отморозенных либералов, которые считают, что если у пенсионера нет денег, то это его свободный демократический выбор. Они считают, что пенсионер должен подышать с голоду потому, что у него может не быть денег по единственной причине: он сам, совершенно сознательно и по своей доброй воле выбрал себе такую судьбу – и потому сам должен отвечать за нее.

Люди же, которые негодуют по поводу «Россия для русских», – это, как правило, те самые люди, которые искренне считают экстремистскими такие лозунги Манежной площади, как «Хватит убивать русских», «Один за всех и все за одного» и, главное, «Закон един для всех». Так и хочется поинтересоваться у этих очаровательных чинуш: если Россия

Мнение поддерживают лозунги «Россия для русских», понимая русских не по крови, а по принадлежности к русской культуре и по следованию правилам русского общежития. Требуется от вас ваша вера резать баранов? Да пожалуйста – только не в детской песочнице, а у себя дома.

не для русских – то для кого она тогда? Пусть скажут, что официальной позицией государства действительно является замещение русских в России «трудолюбивыми соотечественниками из солнечного ближнего зарубежья». В таком случае, «русскоязычному населению», которое привыкло ассоциировать себя с Пушкиным, а не с толкователями шариата, следует это как минимум понимать.

– И, как вы понимаете, главный вопрос, волнующий нас и наших читателей... Ждет ли Россию в ближайшем будущем что-то хорошее, какой-то позитив?

– Россия – это вообще страна сплошного позитива. У нас потрясающая устойчивость экономики. В эпоху всеобщих долгов мы как государство практически ничего никому не должны, да и закредитованность бизнеса и населения исключительно низка.

Наше общество потрясающе устойчиво. В любой другой стране уже давно бы случилась революция, причем разрушительная и с кровью, а мы все ждем, что начальство одумается. Это культурные особенности.

К тому же Россия буквально захлебывается в деньгах от экспорта сырья.

У нас сформировался бизнес, который работает и выживает в любых условиях. Люди, которые прошли закалку современной российской действительности, смогут получить свои 20 процентов годовых и в аду.

У нас огромная ностальгия по Советскому Союзу, которая наиболее ощутима в этнической среде. Это парадоксально, но люди, которые получили и до сих пор получают колоссальные прибыли от распада СССР, не хотят быть кровопийцами

– они хотят быть честными партнерами и глубоко, серьезно нас с вами, переживают отсутствие «русского проекта».

Что касается авторитаризма и подавления политических свобод... Проблема не в авторитаризме, а в том, что у нас он коррупционный: ограничение прав и свобод осуществляется ради воровства, а не развития. А это достаточно просто, без разрушения системы, может быть заменено на разграничение прав и свобод ради развития.

Повторю: если не брать исключительные примеры типа Израиля и отдельных стран Восточной Европы, модернизация в современном мире бывает только авторитарная. Ведь между потреблением сегодня и потреблением завтра нормальный человек выберет потребление сегодня. А модернизация, как и любая инвестиция, – это жертва сегодняшним потреблением ради завтрашнего. И наше общество идеально приспособлено для модернизации.

Да, эта модернизация будет в худших условиях, чем у Сталина, – у него в разрушенной стране были царские кадры. Быть может, даже по сравнению с нынешними – царские во всех смыслах. Когда Сталин начал в 1927 году модернизацию, прошло всего лишь примерно тридцать лет войны и разрухи, а у нас уже сейчас, до входа в системный кризис, уже прошла почти четверть века... С другой стороны, после Сталина мы накопили огромный опыт.

Иными словами, для нас нет ничего невозможного, в том числе – и совершенно позитивное развитие событий. Просто обидно думать о том, какой ценой будет оздоровлено это государство в этот раз. Однако и эта цена тоже является частью нашей национальной культуры...

